

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Вторникъ, 18-го Ноября 1903 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ Къ № 7914.

ШАХТЕРЪ

(Очеркъ)

Я торопился на станцію къ поѣзду. Подводчикъ усердно подгонялъ пару сѣрыхъ доморощенныхъ лошадокъ, лелѣя въ душѣ надежду на крупный бакшишъ. Но, увы! Двойной свистокъ локомотива доложилъ намъ издали, что поѣздъ двинулся. Мы, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, опаздывали. Русскіе, не знаю, право, почему, всегда и вездѣ опаздываютъ. Таково велѣніе судебъ. Это не игра случаая, а фактъ, удостовѣренный исторіей. Я давно постигнулъ это и примирился съ тѣмъ, съ чѣмъ бороться не подъ силу, и хотя выругался вслѣдъ уходящему поѣзду, но сдѣлалъ это совсѣмъ безъ злобы, а такъ, по традиціи. Подводчикъ, застѣнчиво улыбаясь, напомнилъ о бакшишѣ и былъ удовлетворенъ полностью. Онъ не выполнилъ договора и опоздалъ, но развѣ можетъ простой хохоль бороться съ историческимъ закономъ? Онъ получилъ желаемое и отѣхалъ, довольный мною и собою, не углубляясь въ суть историческихъ фактовъ.

Я вошелъ въ вокзалъ, если не вполнѣ довольный, то и не возмущенный, безропотно покорившись велѣнію судебъ.

— Скоро отходить новый поѣздъ? спросилъ я у артельщика.

Генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ,
бывшій кіевскій генераль-губернаторъ и командующій
войсками кіевскаго военнаго округа.
По случаю назначенія членомъ Государственнаго
Совѣта.

— Часовъ черезъ шесть. А буфетъ открыть, добавилъ услужливый артельщикъ.

Я крякнулъ и сдѣлалъ кислую мину, но опять таки не изъ злобы, а по традиціи. Я прекрасно зналъ, что поѣздъ отходитъ черезъ шесть часовъ и раньше отойти не можетъ, но безъ протеста нельзя. Это тоже историческое явленіе, съ которымъ приходится считаться.

Открытый буфетъ на промежуточной станціи—вещь весьма утѣшительная, при помощи которой время ожиданія можно сократить, по крайней мѣрѣ, на половину. Я направился къ утѣшительному пріюту, но артельщикъ удержалъ меня.

— Позвольте, господинъ! Сейчасъ подаютъ четвертый классъ. Не совсѣмъ опрятно, но ходъ обыкновенный, быстрый, и если особенная необходимость, то проѣхать можно. На поѣздѣ везутъ арестанта, убійцу, изъ шахты, закованъ, такой свирѣпый. Но вы не тревожьтесь, съ нимъ конвойные,—успокоительно добавилъ онъ.

Артельщикъ былъ ходячая реклама и, несомнѣнно, добрая душа, сочувственно относящаяся къ близкимъ. Раздался свистокъ паровоза и гулъ колесъ:

— Пожалуйте, подаютъ, засуетился артельщикъ. Прикажете билетикъ? Съ полнымъ удовольствіемъ. Побезпокойтесь выйти на платформу. Чернаго народа цѣ-

С. Н. Курченіновъ,
бывшій харьковскій губернскій предводитель дворянства.

Г. А. Фирсовъ,
новый харьковскій губернскій предводитель дворянства.

ляя уйма, такъ вы скорѣй въ вагонъ, а я ужъ тутъ съ багажемъ живо управляюсь и билетъ спроворю. Я послѣдоваль его совѣту и поспѣшилъ на мѣсто.

Первые два вагона были заняты чутко ли не на ходу. Въ третьемъ, повидимому, было пусто, и я вошелъ.

— Стой! Куда? загудѣлъ хрипкий басъ.—Широкоплечая фигура заслонила мнѣ дорогу, сверкающіе глаза словно впились въ меня: — Уходи, баринъ! Это мой вагонъ, мои палаты. Я ихъ кровью купилъ. Конвойнъ, выгони барина, а то я и самъ,—развѣ мнѣ долго? Шахтеръ все равно, что чертъ; шахтеръ хуже черта, потому что ни черта, ни дьявола не боится!—Онъ звякнулъ цѣпями и хотѣлъ ударить меня, но конвойнъ остановили его во время и заставили сѣсть. Онъ повиновался, ворчалъ и упираясь неуклюже, по медвѣжьему.

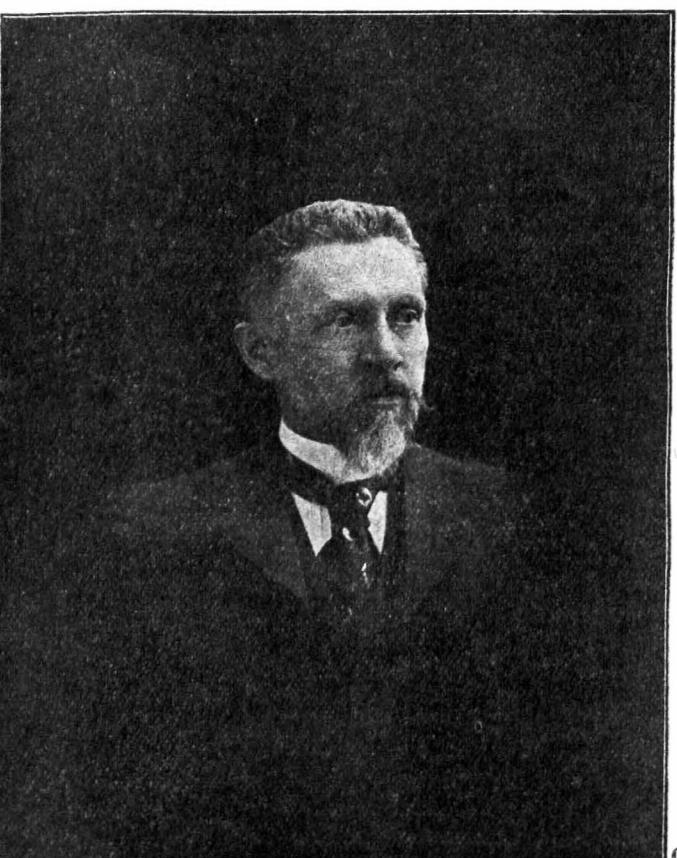
Я воспользовался этой минутой, на меня никто не обращалъ вниманія, и незамѣтно проскользнула въ другой уголъ вагона. Нѣсколько секундъ царила глубокая тишина. Ка-залось, всѣ задремали, но вдругъ цѣпѣ снова звякнули:

— Не могу, здѣсь душно! Углемъ пахнетъ. Въ поле хочу. Я шахтеръ, не спорь со мною! Будетъ по мое-му,—озолочу, пойдешь супротивъ,—смерть, раздавлю, какъ муху. Дай-те воздуха шахтеру! Воздуха мнѣ, полевого воздуха!—Онъ вскочилъ съ мѣста, взмахнулъ руками и хотѣлъ разбить оконное стекло, но его снова удержали. Завязалась борьба.

Протоіерей о. Т. И. Буткевичъ,

докторъ богословія, профессоръ харьковскаго университета.
(25-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ исполнилось 6 ноября.)

М. Е. Гордиенко,

бывшій предсѣдатель харьковской губернской земской управы.
(† 6-го ноября 1903 года.)

В. Г. Колокольцовъ,

избранный въ предсѣдатели харьковской губернской земской управы.
(† 6-го ноября 1903 года.)

Одинъ изъ конвойныхъ озлился и скватился за шашку. Шахтеръ въ свою очередь удержалъ его:

— Не дурачся, солдатъ! Самъ умирать не хочу и тебя убивать не охота. Развѣ у меня не хватить жилъ, чтобы свернуть вамъ головы, какъ тѣмъ цыплятамъ, что бѣгаютъ безъ квочки по двору? Оставьте! Откройте окно, газомъ пахнетъ.

Онъ тяжело опустился на скамью и угрюмо уставился въ одну точку. Конвойные исполнили его просьбу; они порядкомъ запыхались и сами были рады освѣжиться.

— Ишь, дьяволъ,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.—Словно изъ же лѣза выкованъ, не придали.

— Придавлю, колы захочу, отозвался другомъ.—За поговорку шесть давилокъ въ седьмую упрятаны. Пальцемъ придавлю, и изъ твоего желѣзного молодца тряпка выйдетъ. Слушай, шахтеръ, пристрѣлю, какъ червивую собаку, если вздумаешь еще буйнить. Надоѣломъ нянчиться съ тобою.

Шахтеръ разсѣянно скользнула по немъ глазами и снова уставился въ уголь. Онъ, повидимому, забылъ все окружающее подъ напльвомъ тяжелыхъ воспоминаній и совсѣмъ затихъ. Но это продолжалось недолго. Онъ заговорилъ тихо, почти шепотомъ, не глядя ни на кого и ни къ кому не обращаясь:

— Не люблю я, когда газомъ пахнетъ или ночью сырость; тогда предо мной проклятая шахта, чёрная и смрадная; тогда предо мной глухой пустырь и мрачное

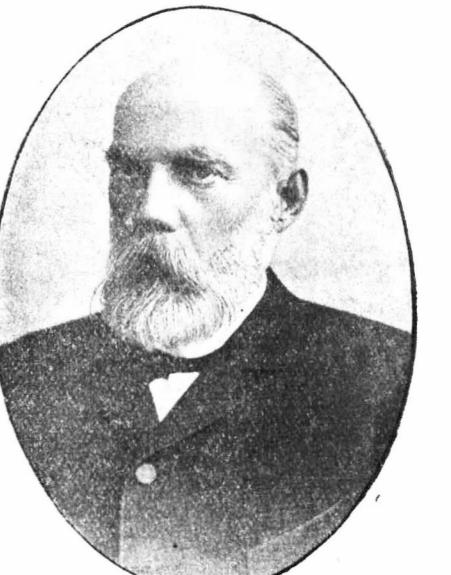
поле, сырое, чёрное небо, темная ночь такая же ужасная, какъ шахта... Нѣть, хуже, ужаснѣ! Шахтеръ все разно, что чертъ; шахтеръ хуже черта. Вижу я шахту и голый пустырь; чувствую, что сердце мое и вся внутренность холодаютъ, огекаютъ, мертвѣютъ, словно ноги въ кандалахъ, и мнѣ душно, душно... И только когда огонь, большой огонь вспыхнетъ или заря на небѣ яркая. Она, вѣдь, тоже, что огонь; тогда мнѣ весело по старому: кандалы разлетаются, и сердцу вольно. Хорошо также, если молнии на небѣ пляшутъ то тамъ, то здѣсь, прорываются, словно въ прятки играютъ: мелькнутъ и нѣтъ. А громъ за ними трахъ, трахъ, будто и впрямъ гонится. Лица у людей тогда блѣдныя, тревожныя, точно не свои. Какъ разъ такія были у тѣхъ проклятыхъ, когда я... И мнѣ любо, легко и пѣть хочется. Шахтеръ все равно, что чертъ! Шахтеръ хуже черта!

Онъ умолкъ, глубоко перевѣлъ духъ и усмѣхнулся. Страшная эта была усмѣшка, словно хищный звѣрь оскалилъ зубы особынными, свойственными только плохояднымъ животнымъ, движениемъ губъ.

— Поди! куда расхорохорился, звѣрнулся конвойный. И ночь, и молнию вспомнилъ. Ну, ладно, размазывай дальне, занятно.

— Размазывай... передразнилъ шахтеръ.—Глаза его вспыхнули ненавистью, и голосъ зазвучалъ напряженно. Размазывай! Это вы размазываете всю жизнь кашу по тарелкѣ. Жратъ хочется и жратъ то жалко, кабы на завтра оставилъ, и выходитъ, что вы весь вѣкъ голодаете и дохнете голодными. Шахтеръ не такъ,—хватить сразу до дна и посуду обѣ поль. Что, не такъ, не по твоему?—усмѣхнулся онъ снова и тяжело опустилъ руку на плечо солдата:—Нѣть, это не по твоему; по твоему, какъ-нибудь, да гдѣ-нибудь и слава Богу. Мѣшокъ ты мучной, вотъ что!—Онъ засмѣялся громко и отрывисто.

— Шахтеръ со смертью подъ ручку гуляетъ. Смерть передъ нимъ и надъ нимъ. Онъ со смертью покумился. Страшное это кумовство! Оно въ человѣкѣ всяющую боязнь убиваетъ, и остается одна отчаянность. Бывало лежишь на землѣ лицомъ кверху и куришь. Надъ тобою земли сто саженей и туча газа. Вотъ онъ на дѣвъ четверти отъ головы разгуливаетъ. Самая малая искра подымись къ нему, и квѣтъ—взрывъ. Лежишь, покуриваешь, а по груди холодокъ пробѣгаешь. Хорошо, легко... Мнѣ одинъ рабочій сказывалъ, какъ жилъ за Сибирью и подъ тигромъ лежалъ. Навалился звѣрь на него, зубы оскалилъ, кровавымъ языкомъ по губамъ ерзаетъ и глядитъ, не трогаетъ, а только глядитъ. Сперва страшно: душа замираетъ, ужасъ волосомъ шевелить, въ груди точно ледъ; а потомъ другое наступаетъ: становится досадно, злость подступаетъ къ горлу и никакой боязни, такъ и хочется подразнить языкомъ звѣря, послать ему подлеца прямо въ морду, чтобы почувствовать онъ еще пущую досаду, и въ это время человѣкъ легко. Онъ крѣпче звѣря. Вотъ такъ же и тѣма шахтейная: лежитъ на тебѣ и глядитъ съ высоты; но ее не отгонишь, не убѣшь, какъ тигра. Она сторожитъ тебя, крадется сзади, забѣгаешь спереди, дышать на тебя смраднымъ газомъ и ждеть минуты, чтобы вспыхнуть и сжечь тебя. Я знаю

Д. ст.сов. П. И. Кулжинский,
членъ харьковской судебной палаты.
(35-лѣтіе служебной дѣятельности исполнилось 9-го сентября 1903 года.)

Адмиралъ П. С. Нахимовъ,
герой Синопа (18 ноября 1853 г.).

П. А. Стрепетова,
извѣстная драматическая артистка.
(† 5-го октября 1903 года.)

это и пуще раскуриваю, и мнѣ любо. Вырвешься на свѣтъ; какъ дьяволъ изъ пекла, какъ дикий волкъ изъ калкана; тогда удержа не знаешь. Денегъ довольно, аккордныхъ работы давала въ недѣлю рублей тридцать, и на одинъ день хватало. Безпутство, разгуль, карты, драка... Всего перепробуешь, нажрешься до сыта. Если бы ты, солдатъ, прожилъ одну недѣлю по моему, по шахтерски, такъ на другую изъ тебя только бѣчьтъ. Но шахтеръ не робѣтъ, тянетъ. Шахтеръ хуже черта. Ты не вѣришь, ухмыляешься: шахтеръ врѣтъ, ломается. Слушай меня! Я все рассказалъ. Душно мнѣ сегодня. Слушай! Задавило одного изъ нашихъ, обвалъ случился. Пріѣхала же на него за наслѣдствомъ и пенсіей. Марфуткой звали. Деревенская женщина, тихая, робкая, словно испуганная, не то что наши шахтейныя. Взглянула я на нее и вспомнилъ, что самъ изъ деревни, и голова моя пошла кругомъ. Кирка изъ рука валится, въ празднике разгула не манитъ; передъ глазами лугъ зеленый, берегъ пологий, лѣсъ шумитъ, птица щебечетъ... Полѣзъ я было къ Марфутѣ съ шахтейными ласками, да ничего не вышло. Стыдно стало, шахтеру то стыдно, понимаешь? И вдругъ порѣшилъ я покинуть шахту. Шахтеръ вздумать стать лучше черта. Да развѣ это возможно? Этого земля не вынесеть. Шахтеръ хуже черта!. Праздникъ былъ. Вышелъ я отъ Марфуши и пошелъ пустыремъ. Въ груди точно что-то могучее росло, сила прибавлялась. Злился я на себя и смѣялся надъ собою. Но отъ этого смѣха и злости мнѣ легко становилось. И все-таки шахтеръ хуже черта. Думалъ я пойти въ казарму и наткнулся на товарищей. Буйная ватага человѣкъ въ десять окружила меня, заставила пить, и я напился. Мнѣ вдругъ захотѣлось дѣбоширить, по старому: осушить посудину до дна и обѣ поль. Шахтейный угаръ ударила въ лицо, и все пошло вверхъ дномъ. Шахтеръ хуже черта! Мы пошли въ трактиръ. Пили, бушевали, и опять пошли къ поселку. Хотѣлись изломать что-нибудь, исколотить всѣхъ, кто попадется на дорогѣ; но никого не было, и мы досадовали. Товарищи стали переругиваться, я затянулъ пѣсню. Было темно и тихо, пахло росой... Вдругъ что-то зашелестѣло и промелькнуло въ темнотѣ: женщина въ свѣтломъ платьѣ. Кто-то изъ насызаююкалъ, какъ на зайца, другое подхватили, и всѣ кинулись впередъ, какъ звѣри за добычей. Шахтейный угаръ кружила головы, духъ занимался. Мы прибавляли шагу. Въ сердѣ у всѣхъ закипало одно. Женщина бѣжала, пугливо созиралась. Но гдѣ было ей? Одинъ изъ нашихъ нагналъ ее и скватилъ за плечо. Она упала на колѣни, хотѣла крикнуть, но ей зажали ротъ, и она обезпамятѣла. Мы тоже обезпамятѣли и издѣвались надъ безчувственнымъ тѣломъ съ хохотомъ и прибаутками; издѣвались и я.. Шахтеръ хуже черта... Надоѣла намъ потѣха, и мы отошли. Небо было такъ же черно и такъ же тянуло холодкомъ. Я покачнулся и упалъ, дремота одолѣла. Завтра разсчетъ—и въ деревню... По привычкѣ, я проснулся рано. Прошелъ шаговъ двадцать и наткнулся на женщину. Вѣро, вчераш-

няя. Я наклонился къ ней и приподнялъ руку, лежавшую на лицѣ. Рука холодна, какъ ледъ, и тяжела, точно камень; видно, застыла на росѣ, сердечная:

— Вставай, тетка! Лихоманку схва-тишь.

Рука скользнула внизъ, и блѣдное, мертвое лицо глянуло на меня стеклянными, недвижными глазами:

— Марфута!..—Она, вѣрно, тогда услышала мой голосъ и вышла на встрѣчу, и мы убили ее.

Шахтеръ понизилъ голосъ и умолкъ. Но голосъ его прервался не сразу, словно эхо протяжно повторило послѣднюю ноту. Это былъ стонъ. Лопнувшая струна стихаетъ не сразу.

— Ишь ты! притча какая, удивился конвойный.

— Дратъ бы вѣсть, каторжныхъ, замѣтилъ его товарищъ.

Шахтеръ поднялъ голову.

— Отошелъ я отъ Марфуты, и точно вѣсь застылъ, окаменѣлъ. Вѣ груди будто черепки отбитой посуды дребезжатъ... И вдругъ, вспомнилось все: какъ улюлюками, какъ гнались... Проклятые! Вотъ я ихъ. Я спустился въ шахту. Пахнетъ газомъ. Это хорошо. Спички въ карманѣ. Молодыхъ осматриваютъ, а старымъ вольно. Моя партія на мѣстѣ. Я сосчиталъ, всѣ на лицо. Сердце взыграло: всѣ, всѣ.

— Эй, на работу! Дружно! крикнулъ я.

Они лѣниво двинулись:

— Газу много, сказалъ одинъ.

— Опасно. Провѣтрить бы, отозвался другой.

Ихъ какъ будто назадъ тянуло.

— Нѣть, голубчики, вы не ускользнете отъ меня.—Я расхохотался и выругалъ ихъ. Они отвѣчали бранью, но пошли за мною. Газу было много, онъ ъѣль глаза и щекоталъ въ горлѣ. А я спѣшилъ впередъ, продолжая дразнить товарищей. Ни одинъ не долженъ отстать. Я ужасно боялся, что отстанутъ, и поминутно оглядывался. Но всѣ шли, всѣ до единаго.

И вотъ, наконецъ, мы на подходящемъ мѣстѣ. Я остановился и вынуль спички:

— Покурить не мѣшаетъ.

— Ты съ ума сошелъ! закр чали они и точно окаменѣли.

Мнѣ было весело, вѣ груди словно волны ходили:

— Вотъ вамъ, проклятымъ, за Марфушу! Жрите, дьяволы! Шахтеръ хуже черта...

Я захватилъ нѣсколько спичекъ, чиркнулъ и бросилъ вверхъ. Они кинулись на меня съ поднятыми кирками, а я захочоталъ. Марфуша выглянула изъ темноты и улыбнулась... И вдругъ темнота исчезла, и стала вѣздѣ огонь. Пишутъ вѣ сказкахъ про Змѣя Горыныча, у котораго морда черная снаружи,

М. Л. Крепивницкий,
известный малорусский артистъ и
драматический писатель.

М. К. Занковецкая,
известная малорусская артистка.
(По случаю недавнихъ гастролей въ Харьковѣ).

Вторникъ, 18-го Ноября 1903 года.

въ срединѣ пламя: лежить онъ, какъ тьма кромѣшная, а раскроетъ пасть и обольетъ пламенемъ, сомкнетъ зубы и снова тьма. Вотъ такъ и здѣсь было: воздухъ вспыхнулъ, черное чудище зѣвнуло, обдало огнемъ кровавымъ и съ трескомъ сомкнуло челюсти. Замерло оно, и все замерло. Съ полсекунды стояли мы въ огнѣ и пламени, затѣмъ раздался трескъ, какъ будто весь міръ лопнулъ, разсыпался; что-то обрушилось сверху—и я упалъ... Шахтеръ хуже черта! Насъ откопали. Всѣ замерли, а я остался живъ. Нашли спички у меня, зажатыя въ рукѣ, и догадались, но только на словину. Я доскасалъ другую, и меня наградили браслетами. Солдатъ! закрой окно, холодкомъ тянешь, какъ тогда на пустырѣ, а мнѣ отъ него душно. Солдатъ! дай водки! Нельзя? Ну, такъ крикни шахтейную барышню съ зачесами! Тоже нельзя? Не раздувай щеки, милый человѣкъ, и не сопи. Я ничего не хочу. Я спать буду. Только чуръ не мѣшать. Я спать буду. Шахтеръ все равно что чертъ. Шахтеръ хуже чертъ...

Цѣпи звякнули, тяжелые сапоги стукнули о деревянную скамью. Поѣздъ медленно двигался. Я осторожно выбрался на площадку. Шахтеръ лежалъ, прикрывъ голову сѣрою свитой. Конвойные угремо молчали...

Алексѣй Тихоновичъ.

Заграничная жизнь.

Все для рекламы.

На дняхъ газеты сообщали о распространившемся въ Римѣ слухѣ, будто адвокатъ Розада убилъ свою матерь и скрылъ трупъ ея въ подземельѣ „Cessati Spiriti“. Теперь оказывается, что это было сдѣлано умышленно съ цѣлью рекламы для нового романа Розада подъ заглавиемъ: „Искусство преступлѣнія“. Рукопись романа конфискована, а полиція получила анонимное сообщеніе, что мать Розады живетъ въ Кампобассо подъ фамиліей Элизы Лерини. Содержаніе романа вполнѣ воспроизводить вымышленную исторію о матеребѣйствѣ.

Сынъ-предатель.

Изъ Рима сообщаютъ: „единъ изъ сыновей министра Розадо похитилъ у отца компрометирующие документы и продалъ ихъ политическимъ врагамъ. Этотъ фактъ и былъ, будто бы, непосредственною причиной самоубийства“.